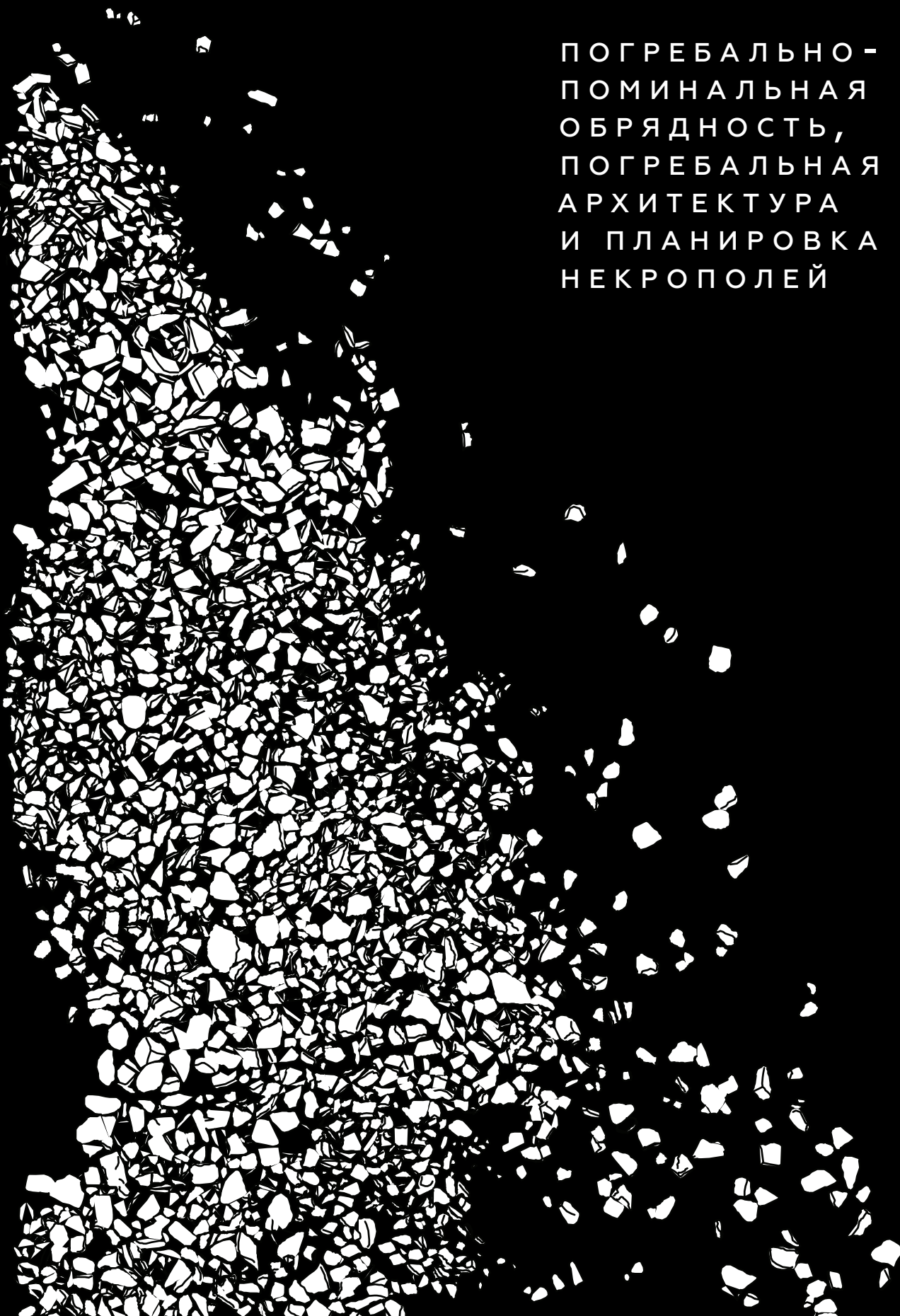

ДРЕВНИЕ НЕКРОПОЛИ:

ПОГРЕБАЛЬНО-
ПОМИНАЛЬНАЯ
ОБРЯДНОСТЬ,
ПОГРЕБАЛЬНАЯ
АРХИТЕКТУРА
И ПЛАНИРОВКА
НЕКРОПОЛЕЙ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUT FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE
THE STATE HERMITAGE MUSEUM
PROCEEDINGS. VOL. 47

**ANCIENT NECROPOLISES —
FUNERAL AND MEMORIAL RITUALISM, ARCHITECTURE
AND PLANNING OF NECROPOLISES**

St. Petersburg

2018

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ
ТРУДЫ ИИМК РАН. ТОМ 47

**ДРЕВНИЕ НЕКРОПОЛИ —
ПОГРЕБАЛЬНО-ПОМИНАЛЬНАЯ ОБРЯДНОСТЬ,
ПОГРЕБАЛЬНАЯ АРХИТЕКТУРА
И ПЛАНИРОВКА НЕКРОПОЛЕЙ**

Санкт-Петербург

2018

УДК 902/904

ББК 63,4

Древние некрополи — погребально-поминальная обрядность, погребальная архитектура и планировка некрополей. Труды ИИМК РАН. Т. 47. — Санкт-Петербург, ИИМК РАН, Гос. Эрмитаж. — 256 с., ил.

Утверждено к печати Ученым советом ИИМК РАН
Approved for publication by the Academic Board of IHMK RAS

Редакционная коллегия: Е. Н. Носов (отв. ред.), М. Е. Килуновская, Н. А. Лазаревская, С. А. Яценко
Editorial board: E. N. Nosov (editor-in-chief), M. E. Kilunovskaya, N. A. Lazarevskaya, S. A. Yatsenko

Перевод на английский язык А. В. Семёнов
English translation: A. V. Semenov

Рецензенты: доктор исторических наук В. А. Лапшин, доктор исторических наук А. Ю. Алексеев, кандидат исторических наук В. А. Алёкшин
Reviewers: Doctor of Historical Sciences V. A. Lapshin, Doctor of Historical Sciences A. U. Alekseev, Candidate of Historical Sciences V. A. Alekshin

Предлагаемый читателю сборник является публикацией материалов представительного международного Круглого стола «Древние некрополи: погребально-поминальная обрядность, погребальная архитектура и планировка некрополей», проведенного в Петербурге в ноябре 2016 г. Он является второй из задуманной серии подобных встреч, посвященных малоисследованным аспектам погребальной обрядности, отражению в материалах археологии ментальности и субкультурной специфики. В публикуемых текстах особое внимание уделяется закономерностям внутренней планировки некрополей и святилищ, междисциплинарному исследованию памятников такого рода, редким формам погребальных и надмогильных сооружений, обрядам обезвреживания умерших, в том числе с их черепами, человеческих жертвоприношений, реконструкции средневековых наземных склепов (выглядающих сейчас как курганы) и т.п. Тексты размещены в хронологической последовательности от неолита к позднему средневековью. Сборник будет полезен археологам, религиоведам, этнографам, историкам и всем интересующимся древней религией и культурными корнями ряда современных традиций.

We are glad to offer this digest to the readers. This is the publication of the materials of representative international Round table «Ancient necropolises: funeral and memorial ritualism, architecture and planning of necropolises», which took part in St.-Petersburg, November 2016. It is second in series of similar meetings, dedicated to the little-explored aspects of funeral ritualism. One of those aspects is the reflection of mentality and sub-cultural specifics in archaeological materials. In the published texts special attention is paid to the regularities of internal planning of necropolises and sanctuaries, interdisciplinary research of this type of sites, rare forms of burial constructions, "disarming" rituals with bodies and skulls, human sacrifices, reconstruction of the medieval land crypts (which now look like barrows), etc. Texts are arranged in chronological sequence from Neolithic to Late medieval. Digest would be useful for archaeologists, ethnologists, religious scholars, historians and everyone who wish to study ancient religions and cultural roots of some modern traditions.

На лицевой стороне обложки: могильник Эки-Оттуг 2, курган 1, Тыва

ISBN 978-5-93572-816-8

© Институт истории материальной культуры РАН /
Institute for History of Material Culture RAS, 2018

© Государственный Эрмитаж /
The State Hermitage Museum, 2018

© Авторы статей / Authors of papers, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	9
Перцева М. А. Ямы с фигурными выемками — особый вид погребений среднего бронзового века	10
Ковалев А. А. Могильные ямы, моделированные по форме повозки, в Синьцзяне и Восточном Казахстане: их датировка и происхождение	25
Куприянова Е. В., Кириллов А. К. Роль и функции рва в погребальных комплексах эпохи бронзы Южного Зауралья	34
Рафикова Я. В. Антропоморфные стелы в погребальной обрядности эпохи поздней бронзы Южного Зауралья	40
Лазаретов И. П., Морозов С. В., Поляков А. В. Новые данные о манипуляциях с черепами в погребальном обряде окуневской культуры	51
Усманова Э. Р. Кефалотафия по-андроновски (по материалам погребений Лисаковской округи II тыс. до н. э.)	57
Боковенко Н. А. Вход в погребальное сакральное пространство у древних народов Среднего Енисея IV—I тыс. до н. э.	63
Ташбаева К. И. К семантике входов и дромосов в срубных конструкциях ранних кочевников Внутреннего Тянь-Шаня	71
Агульников С. М. О топографии и планировке могильника белозерской культуры Причерноморья	79
Малюкевич А. Е., Агульников С. М. Курганные некрополи Днестровского Правобережья	86
Килуновская М. Е. Погребальные памятники Тувы от древности до средневековья	92
Кисель В. А. Человеческие жертвоприношения могильника Догээ-Баары в Туве	106
Семенов Вл. А. Планиграфия могильников Суглуг-Хем I и Суглуг-Хем II в Туве (III—II вв. до н. э.)	113
Бородовский А. П. Погребальное пространство в контексте политкультурности (по материалам Быстровского некрополя эпохи раннего железа на Верхней Оби)	123
Шишкин А. С., Волков П. В., Зубова А. В., Кишкурно М. С. Выставление голов у носителей каменной культуры Верхнего Приобья (по материалам Быстровского некрополя)	134
Субботин А. В. Курганные некрополи тагарской культуры на юге Назаровской котловины ..	144
Акулов А. Г. «Время котов». Великолепные полтора века мемориалов тагарских нобилей ...	149
Вадецкая Э. Б. Отражение в коллективных могилах Енисея представлений о смерти индивида и возрождении социума	164
Козленко Р. А. Обряд обезвреживания погребенных в Нижнем Побужье в античный период	174
Федоров В. К. Вторжения в могилы единоплеменников при совершении новых захоронений у ранних кочевников Южного Урала VI—I вв. до н. э.	181
Сиротин С. В. Планиграфическое отражение основных этапов сооружения курганного могильника Переволочан I в Зауральской Башкирии	192
Ивченко А. В. Постпогребальная обрядность на некрополе Ольвии	201
Полин С. В. Об ограблении скифских курганов в Северном Причерноморье	206
Симонян А. Е., Атоянц Е. А. Некрополь Тейшебаини	216
Яценко С. А. Возможности анализа планиграфии малых сарматских некрополей	224

Андрух С. И., Тоцев Г. Н. Археологические культуры Северного Причерноморья в фокусе Мамай-Горы	232
Смагулов Е. А. Место наземных склепов в погребальном обряде раннесредневековой Сред- ней Азии	241
Список сокращений	251
Сведения об авторах	253

CONTENTS

Introduction	9
Pertseva M. A. Pits with figured recesses — special type of burial constructions of middle Bronze Age	10
Kovalev A. A. Grave pits modelled by the shape of cart in Xinjiang and Eastern Kazakstan: dating and origins	25
Kupriyanova E. V., Kirillov A. K. Role and functions of a moat in burial complexes of Bronze Age of Southern Trans-Urals.	34
Rafikova Ya. V. Stone anthropomorphic steles in the funeral rites of late Bronze age of Southern Trans-Urals	40
Lazaretov I. P., Morozov S. V., Polyakov A. V. New data on manipulations with skulls in the funeral rite of Okunevo culture	51
Usmanova E. R. Kefalotaphy in Andronovo culture (by the materials from burials of Lisakovskaya okrug of 2 nd millenium B. C.)	57
Bokovenko N. A. Entrance into the sacred funeral space among the ancient peoples of Middle Yenisei IV–I millenium B. C.	63
Tashbaeva K. I. To the semantics of dromoses and entrances in the timber constructions of Inner Tien-Shan early nomads	71
Agulnikov S. M. About topography and planning of Belozerskaya culture cemeteries	79
Malyukevitch A. E., Agulnikov S. M. Barrow necropolis of the Dniester Right Bank	86
Kilunovskaya M. E. Burial sites of Tuva from primeval to medieval ages	92
Kisel V. A. Human sacrifices on Dogae-Baary cemetery in Tuva	106
Semenov VI. A. Planigraphy of Suglug-Khem I and Suglug-Khem II cemeteries in Tuva (III–II centuries B. C.)	113
Borodovskiy A. P. Funeral space in the context of polyculturalism (on materials from Bystrovsky necropolis of early Iron Age on Upper Ob)	123
Shishkin A. S., Volkov P. V., Zubova A. V., Kishurko M. S. Exposing of heads among the bringers of Kamenskaya culture of Upper Ob (on materials from Bystrovsky necropolis)	134
Subbotin A. V. Barrow fields of tagarskaya culture in the south of the Nazarovo basin	144
Akulov A. G. «Time of cats». Amazing century of Tagarskaya noble monuments	149
Vadetskaya E. B. Death of an individual and revival of society reflected in collective graves of Yenisei basin	164
Kozlenko R. A. Rite of disarming of the buried bodies among population of Lower Pobuzhue ...	174
Fedorov V. K. Encroaching of tribe-mate graves during the creation of new burials among nomads of Southern Urals at VI–I centuries B. C.	181
Sirotnin S. V. Planigraphic reflection of the main constructional stages of Perevolochan barrow cemetery in Trans-Ural Bashkiria	192
Ivchenko A. V. After-funeral rituals on Olbia necropolis	201
Polin S. V. About the despoilment of Scythian mounds in Northern Black Sea Coast	206
Simonyan H. E., Atoyantz E. L. Necropolis Teyshebaini	216

Yatsenko S. A. Possibilities of minor sarmatian necropolises planographic analysis	224
Andruh S. I., Tosheev G. N. Archaeological cultures of Northern Black Sea Coast in focus of Mamai-Gora	232
Smagulov E. A. Place of surface crypts in the funeral rite of early-medieval Central Asia	241
List of abbreviations	251
List of contributors	253

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ МОГИЛЬНИКА ДОГЭЭ-БААРЫ В ТУВЕ

Могильное поле Догээ-Баары размещается в 7–8 км к северу от столицы Республики Тыва — г. Кызыл. Оно включает разновременные погребальные и поминальные памятники. Среди них особый интерес вызывают курганы №№ 23–28, 31–33 могильника Догээ-Баары 2. Они отличаются каменными оградами, символическими воротами из плит, следами горения бревенчатых перекрытий могил и срубов, присутствием в захоронениях частей скелетов мелкого рогатого скота. Наличие в сопроводительном инвентаре вещей скифской, хуннской и китайской культур позволяет датировать курганы концом III–II вв. до н. э. Среди погребений выделяются нетипичные захоронения: скелет без правой руки и скелет, расчлененный в поясничной части. Очевидно, они являются жертвоприношениями. В первом случае обряд был совершен по скифской традиции, описанной Геродотом (Hdt. 4. 62. 3–4). Во втором случае, вероятно, прослеживается влияние культуры хунну. В хуннскую державу входили прототюркские племена, в среде которых практиковалась казнь с разрубанием человека пополам.

Ключевые слова: Тува, курганы, могильник Догээ-Баары, человеческие жертвоприношения, Геродот

Могильное поле Догээ-Баары размещается на правом берегу Бий-Хема (Большой Енисей) в 7–8 км к северу от столицы Республики Тыва — г. Кызыл. Оно включает погребальные и поминальные памятники, создававшиеся с эпохи бронзы по настоящее время. Среди разнообразных археологических объектов привлекает внимание группа курганов, расположенная в южной части могильника Догээ-Баары 2 (курганы №№ 23–28, 31–33) (рис. 1). Эти памятники составили две цепочки, вытянутые по оси северо-восток – юго-запад. В первую цепочку вошли курганы с № 23 по № 28, во вторую – с № 31 по № 33. Их отличительными чертами явились: каменные ограды вокруг курганных насыпей, символические ворота из плит, следы горения перекрытий центральных могильных ям и погребальных срубов, черепа и отдельные кости мелкого рогатого скота в могилах (Николаев, Хаерин, 2004. С. 32, 34; Кисель, 2006. С. 81–82).

Ограды курганов представляли собой стены высотой до 40 см в виде двух дуг или незамкнутого кольца. Они были сооружены из плит, уложенных друг на друга в несколько рядов. В западной и/или восточной части оград обычно имелись разрывы, заполненные валунами и крупной галькой. «Ворота», состоявшие из вкопанных вертикально крупных плит, располагались, как правило, на северо-восточном и юго-западном бортах центральной могилы, редко — в ограде. В углах сруба центрального погребения находились головы и части туш мелкого рогатого скота. Количество принесенных в жертву животных варьировалось от двух до пяти. Потолки срубов или бревенчатые перекрытия могил нередко были обуглены. Скорее всего, они поджигались сразу после совершения основного захоронения. Но, когда пламя разгоралось в полную силу, огонь тушился путем засыпки могильной ямы землей. При этом температура горения иногда успевала подняться выше 1000°C, о чем свидетельствовали шлаки и комки запекшегося грунта.

Особо стоит отметить погребальный инвентарь. В нем сочетались предметы скифской, хуннской и китайской культур. Скифские вещи доминировали. Такое смешение разнокультурных изделий, уже неоднократно фиксировавшееся в Туве, дает возможность отнести курганную группу к концу III–II вв. до н. э.

Указанные характерные признаки объектов позволяют выделить эти цепочки курганов могильника Догээ-Баары 2 из памятников позднего этапа саглынской культуры (по А. Д. Грачу) или озенала-белигского этапа кызылганской культуры (по С. И. Вайнштейну). Возможно, их своеобразие сформировалось благодаря переселению на территорию Тувы из Минусинской котловины представителей тесинской культуры, где фиксировались сходные особенности погребальных сооружений (Кисель, 2006. С. 82).

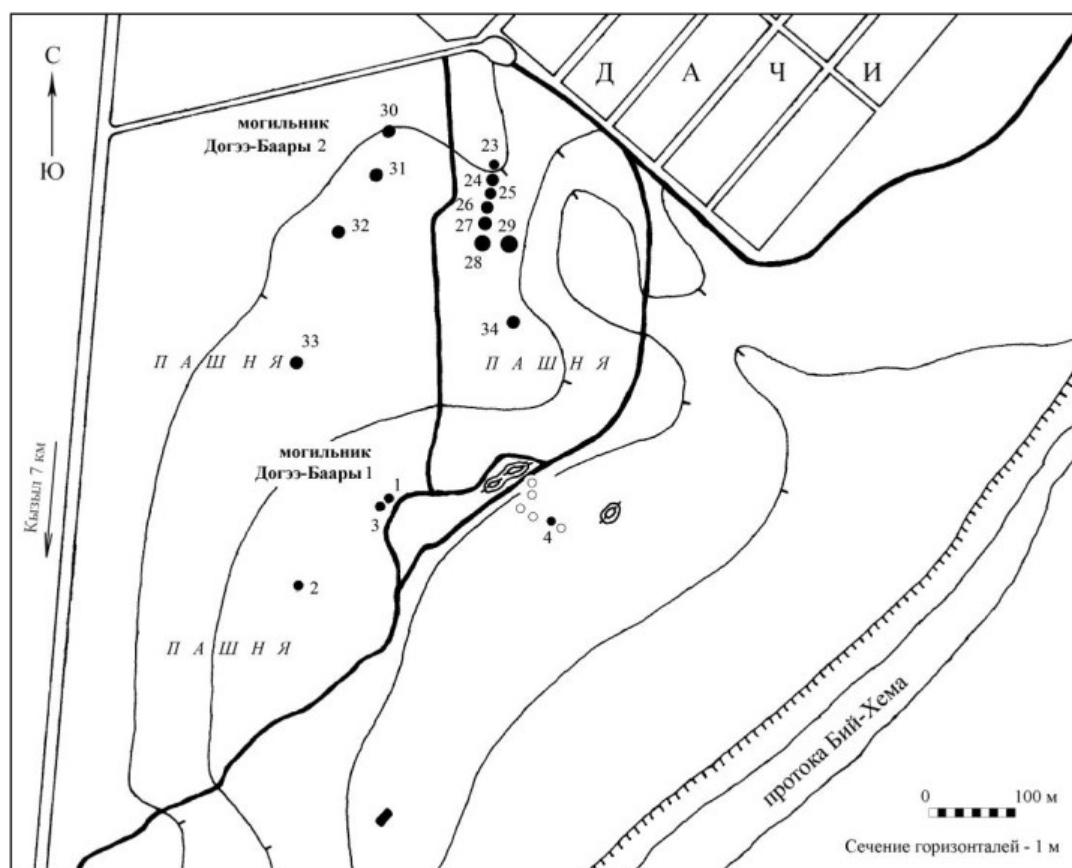

Рис. 1. План могильного поля Догээ-Баары

Впрочем, не только архитектура и сопроводительный инвентарь курганов вызывают интерес. Не менее любопытны совершенные в них нетипичные человеческие захоронения. Так, в кургане № 27 в северной части насыпи с внешней стороны стены-ограды располагалась подпрямоугольная яма (сверху $1,24 \times 0,85$, снизу $1,07 \times 0,60$, глубина 0,75 м), перекрытая досками и плитами (могила № 2). На дне ямы находился непо потревоженный скелет мужчины около 20 лет, уложенный на правый бок головой на восток с сильно подогнутыми ногами. В то же время другие погребенные в кургане размещались на левом боку головами в северо-западном направлении. В районе пояса мужчины были обнаружены фрагменты красного лака, а на тазовой кости — костяная ажурная пряжка, являвшиеся остатками истлевшего пояса. У покойного отсутствовала правая рука вместе с лопаткой.

Эта патология не могла оказаться врожденной (монобрахия), поскольку тогда кости плечевого пояса были бы деформированы (Богданова, Пивченко, 2014. С. 11), чего не наблюдалось на найденном скелете. Нельзя усмотреть здесь и военную травму — отсечение конечности в бою, так как ни ключица, ни шейные позвонки не были повреждены. К тому же в арсенале населения Тувы скифского времени отсутствовали длинные мечи, сабли и широколезвийные топоры, с помощью которых можно было нанести подобное увечье. Следовательно, отсутствие руки погребенного произошло в результате экзартикуляции, то есть вычленения конечности. Проведение экзартикуляции не требует набора хирургических инструментов, как при ампутации. Ее можно сделать с помощью одного ножа. Однако операция все равно достаточно непростая. Поэтому человек, которому ее проводят, должен быть обездвижен — связан, усыплен, оглушен или убит. Утрата руки мужчины, погребенного в кургане № 27, несомненно, явилась травмой, несовместимой с жизнью.

Несмотря на редкость такой ситуации, она не уникальна. В качестве относительной параллели можно привести одно из погребений скифского времени могильника Аймырлыг в Туве. В нем находился костяк мужчины без левого предплечья, «которое, по-видимому, было ампутировано у дистально-

го конца плечевой кости» (Мерфи, 2001. С. 140)¹. Сходная травма отмечалась у одного из двух скелетов, найденных в камере № 3 кургана Чертомлык IV в. до н. э. на Правобережье Нижнего Днепра. У этого погребенного, снабженного драгоценными украшениями и набором вооружения, «отсутствовали локтевые кости и кисть левой руки» (Алексеев и др., 1991. С. 63). Целиком левой руки не имел воин, похороненный в кургане № 1 могильника Цаган-Усн VIII (погребение № 11) в Нижнем Поволжье (Дараган, 2016. С. 34, прим. 55). Сравнительно необычная картина наблюдалась в сарматском погребении № 7 кургана № 7 у пос. Китаевка в Ставрополе, где у молодой пары были удалены предплечья: у мужчины — правое, у женщины — левое (Пикалов, 2014. С. 150, рис. 2).

Более точные аналогии находке из кургана № 27 отыскиваются на территории Среднего Подонья и Прикубанья. В могильнике у д. Дуровка-Вербное в захоронении IV–III вв. до н. э. была обнаружена пара мужских скелетов с предметами вооружения (Пузикова, 2001. С. 196). У одного из костяков (непотревоженного грабителями) отсутствовала правая рука. Автор раскопок связала это с действиями грызунов, но вряд ли животные, утащив все кости конечности (даже фаланги), не тронули бы ребер и позвонков, как видно на опубликованном чертеже (Пузикова, 2001. Рис. 44, 2). Еще показательней погребение Уляпского кургана 1/1981 IV в. до н. э., где под насыпью на деревянно-земляной платформе размещались два (?) скелета молодых людей. У одного из них не было правой руки. Ее кости в сочленении располагались в отдалении на той же платформе (Балонов, 1987. С. 41). Присутствие в этом комплексе железного меча позволило Ф. Р. Балонову связать памятник с сообщением в «Истории» Геродота о ежегодных жертвоприношениях скифов воинскому божеству, названному Аресом. Согласно тексту, «сколько бы они (скифы. — В. К.) ни захватили в плен врагов, одного мужа из каждой сотни они приносят в жертву, но не так, как скот, а иначе. Полив головы [пленных] вином, они закалывают людей над сосудом и затем, подняв его вверх на кучу хвороста, выливают кровь на акинак. Кровь они несут наверх, а внизу у святилища делают следующее. Отрубая у всех убитых людей *правое плечо вместе с рукой*, бросают их в воздух, и затем, совершив остальные жертвоприношения, они удаляются. Рука лежит в том месте, куда упадет, а труп отдельно» (Hdt. 4. 62. 3–4) (курсив мой. — В. К.)².

Безусловно, не во всех случаях травмы погребенных из перечисленных археологических памятников должны были привести к летальному исходу. Поэтому связывать этих покойных с жертвоприношениями надо крайне осторожно. Однако люди, у которых целиком отсутствовали руки, скорее всего, являлись жертвами. Их останки служат свидетельством проведения кровавого скифского ритуала с соблюдением четкой последовательности: сначала убийство человека, а затем удаление конечности у трупа.

Вызывает интерес указание Геродота на отсечение именно правой руки. Из других эпизодов «Истории» следует, что у скифов разноименные руки наделялись различной символикой. Так, в разделе о скифских обычаях говорится: «Многие (скифы. — В. К.), обдирая у вражеских трупов кожу с *правых рук* вместе с ногтями, делают из нее обтяжку колчанов» (Hdt. 4. 64. 3)³. Далее в рассказе о похоронах «царя» отмечено: «Те же (представители скифских племен. — В. К.), когда получают доставленный труп, делают в точности то же, что и царские скифы: отрезают себе часть уха, волосы обстригают кругом, на руках делают надрезы, лоб и нос расцарапывают, *левую руку* прокалывают стрелами» (Hdt. 4. 71. 2) (курсив мой. — В. К.). Таким образом, налицо различие предпочтений: враги лишаются правой руки, себе же скифы калечат левую⁴. Не исключено, что некоторые погребения с однорукими трупами могли отразить это правило. Основу такого бинарного отношения к «своим» и «чужим» составляли, по выражению историков и филологов, «биологический дуализм» и «семантическая оппозиция»: правое — левое, по-

¹ Изучившая этот скелет А. Мерфи перечислила вероятные причины увечья: хирургическая помощь, наказание, кровавый ритуал, ранение в битве. Исследовательница склонилась к последнему варианту, почему-то решив, что доказательством служат наконечники стрел, входившие в погребальный инвентарь (Мерфи, 2001. С. 140).

² В статье использован перевод И. А. Шишовой (Доватур и др., 1982).

³ Это сообщение находит подтверждение среди археологических материалов Зауралья (Федоров, Горшкова, 2001).

⁴ Немаловажно и то, что раны наносятся стрелами. Как следует из «Истории», скифы видели в них символические олицетворения конкретных воинов (Кисель, 2014. С. 25). Возможно, прокалывание руки наконечником стрелы подчеркивало личностную составляющую участника погребального ритуала.

ложительное — отрицательное, мужское — женское, светлое — темное, нечетное — четное и т. д. (Подосинов, 1999. С. 502–507; Мелетинский, 2000. С. 230–233) ⁵.

Можно предположить, что в культуре скифов левая рука и ее увечье были прочно связаны с похоронным обрядом. Согласно анализу скифских погребений, левая сторона ассоциировалась с загробным миром. Это прослеживается в доминировании западного направления в ориентировке погребенных трупов людей и коней, в расположении тризн и перемычек ровиков вокруг курганных насыпей, а также в преобладании среди напутственной пищи левой передней конечности с лопаткой и грудной частью туши животного (Саенко, 2011. С. 78–79). На таком фоне травмирование левой руки в знак скорби на «царских» похоронах выглядит вполне уместным.

Наверное, к погребальной символике относятся и уздечные бляхи в виде лапы животного и кисти руки, встречающиеся в скифских курганах V–IV вв. до н. э. Те из блях, которые уверенно определяются как изображения человеческой конечности, в большинстве случаев представляют собой кисть левой руки (Бабенко, 2014–2015. С. 128–129; Махортых, 2015. С. 309).

Отношение скифов к правой руке, видимо, было сложнее. Если обратиться к нартскому эпосу народов Кавказа, что вполне правомерно благодаря имеющимся в нем многочисленным скифским реминисценциям, то выявляется неординарное смысловое значение этой конечности. Согласно «Нартиаде», правая рука воспринималась одной из главных частей тела. Она могла стать залогом клятвенного договора или же оказаться важным боевым трофеем, равным по ценности голове врага (Сказания..., 1978. С. 304, 307, 326, 328; Нарты..., 1989. С. 96, 135, 137–138, 140, 242–243, 285; Чибилов, 2012. С. 56–57; Таказов, 2014. С. 118–119). Очевидно, отчленение скифами правой руки у убитого или принесенного в жертву противника, в первую очередь, служило магическим средством. С его помощью предполагалось окончательно обезвредить врага, создать непреодолимое препятствие к его возрождению. Как писал М. Мосс, «при убийстве высвобождалась сила, имеющая двойственный характер или, скорее, слепая и опасная уже потому, что была силой. Поэтому надо было ограничить, направить и укротить ее» (Мосс, 2000. С. 44). Не исключено, что удаление правой руки служило также знаком особого унижения мужчины — лишения его чести и личного достоинства (Доватур и др., 1982. Комм. 404; Бессонова, 1983. С. 48; 1984. С. 7; Дюмезиль, 1990. С. 192).

Нет никаких оснований видеть в отрубленной руке жертвоприношение божеству, на чем настаивала С. С. Бессонова (1983. С. 48; 1984. С. 7). Эту роль играла кровь, собранная у заколотого пленника и вылитая на предмет поклонения — меч. Нельзя согласиться и с А. Ю. Алексеевым, трактовавшим манипуляции с конечностью как специфическое гадание, которое заключалось в том, какой стороной упадет брошенная рука (Алексеев, 2011. С. 64). Использованная исследователем параллель из культовой практики кетов не может быть принята, поскольку относится не к конечности человека, а к лапе медведя, причем только к ступне ⁶. Кроме того, культурные контексты разительно отличались. Гадание у кетов проводилось после удачной охоты на медведя. При этом животное воспринималось не смертельным врагом, а близким сородичем. Целью гадания, как правило, было установление, кто из умерших родственников в облике медведя «пришел в гости» и сколько времени собирается «гостить» (Алексеев, 1995. С. 60–61, 65–66, 71).

Экзотичное, но ничем не подтверждающееся предположение высказал Д. Г. Савинов, допустивший, что «разбрасываемые вокруг святилища Ареса отрубленные кисти (*sic!*) рук в местах своего падения, возможно, образовывали новые жертвенники (?)» (Савинов, 2012. С. 57) ⁷. Думается, Геродот не

⁵ Очевидно, данное противопоставление наиболее отчетливо было продемонстрировано в погребении № 7 кургана № 7 у пос. Китаевка.

⁶ Другие народы, знакомые с этим гаданием, например, селькупы и эвенки, тоже применяли исключительно ступню медведя (Василевич, 1971. С. 165; Степанова, 2014. С. 124).

⁷ Порой вызывает удивление, насколько вольно некоторые исследователи обращаются с текстом Геродота. Так, Ж. Шарашидзе утверждал, что скифский Арес «требовал от приносящих ему жертвы в качестве таковых человеческие руки, отрубленные у еще живых людей» (Шарашидзе, 2004. С. 17). А А. Н. Дзиговский и А. С. Островерхов писали «об отсечении правой руки у пленных, приносимых в жертву при погребении царя», видя в этом «действие, направленное на повышение плодovitости и возрождение в потустороннем мире» (Дзиговский, Островерхов, 2008. С. 168).

умолчал бы о такой неординарной черте обряда и не стал особо оговаривать небольшое и ограниченное число культовых сооружений в Скифии⁸. Кроме того, возведение самого святилища Ареса, согласно «Истории», требовало громадного количества хвороста⁹, что удивительно для безлесной степной Скифии и нуждается в аргументированном объяснении (Бессонова, 1984. С. 6–7).

На основании приведенных данных, можно заключить, что в кургане № 27 могильника Догээ-Баары 2 находилось захоронение человека, сыгравшего роль жертвы. Жертвоприношение было совершено в русле скифской традиции. Устройство погребения за оградой кургана, то есть вне сакральной территории, и размещение покойного в нестандартной позе, по-видимому, указывают на принадлежность жертвы к противникам племени, построившего курган.

Два других нетипичных захоронения происходят из курганов №№ 28 и 33. Оба кургана выделялись из всей группы необычными надмогильными памятниками, возведенными над центральной могилой. Монумены имели вид усеченной пирамиды (длина стороны основания около 3, длина стороны вершины около 2, высота 1,5 и 2,5 м) и были сложены из валунов и «рваных» камней, облицованных плитами. На верху монумента кургана № 28 находилось перекрытое плитами захоронение мужчины 30–40 лет (?) (могила № 1). Погребенный, расчлененный пополам в районе поясницы, размещался на левом боку. Обе половины тела с вытянутыми конечностями лежали параллельно друг другу по оси север-юг. Череп располагался рядом с тазом. Кисти и ступни отсутствовали, что могло быть связано с естественными разрушениями, например, деятельностью землеройных животных. Возле правого плеча покойного находился железный нож.

В кургане № 33 захоронение было совершено внутри надмогильного памятника (могила № 5). Оно принадлежало подростку. К моменту раскопок монумент успел просесть в могилу, и кости скелета оказались смещены. Это не позволило определить первоначальное расположение погребенного. Среди костей находились бронзовая ажурная котловидная подвеска, роговое резное навершие и стеклянная бусина.

Разумеется, наиболее интересным представляется погребение кургана № 28. Характер повреждения тела покойного убеждает в намеренных, сознательных действиях. То, что кости обеих частей скелета были в сочленениях, а на позвонках и ребрах не прослеживалось следов от рубящих ударов, указывает на расчленение или разрывание туловища. Но было ли это детрункацией — посмертным рассечением тела, или прижизненной травмой, повлекшей за собой смерть, осталось не ясным.

В скифское время непотревоженные грабителями костяки с явными анатомическими нарушениями встречаются сравнительно редко. Исследователи, как правило, видят в них перезахоронения или демембрацию — сознательное смещение костей скелета. Думается, что рассечение или разрывание туловища человека или животного не было характерно для скифской культуры. Данные археологии косвенно подтверждаются письменными источниками, которые молчат о подобном способе убийства у скифов.

Останки людей и животных, расчлененных в поясничной области, известны в более раннее время. Такие скелеты встречаются в могильниках эпохи бронзы на Среднем Дону, в Поволжье и Южном Зауралье (Гайдученко, 2009. С. 95, 97–98). Большинство исследователей считает подобные находки жертвами. Видимо, погребение кургана № 28 следует рассматривать с этой же точки зрения.

Непонятно, откуда в Туву проник новый жестокий обычай. Направление поиска может указать характер сопроводительного инвентаря из курганов могильника Догээ-Баары 2 — сочетание вещей скифской, хуннской и китайской культур. Как известно, в китайском царстве Чу в IV в. до н. э. действовал закон: «Тот, кто не донесет о преступнике, будет разрублен пополам» (История Китая..., 1974. С. 23). Аналогичную казнь практиковали и древние тюрки. Согласно китайской хронике Суй-шу, *тучюе* (тюр-

⁸ «У них (скифов. — В. К.) не принято воздвигать ни изображений, ни алтарей, ни храмов никому из богов, кроме Ареса» (Hdt. IV. 59).

⁹ «У всех у них (скифов. — В. К.) по округам их областей устраиваются святилища Ареса вот каким способом: нагромождают связки хвороста, приблизительно три стадия в длину и ширину, в высоту же меньше. Наверху сделана ровная четырехугольная площадка, три ее стороны обрывистые, с одной же стороны она имеет доступ» (Hdt. IV. 59, 62).

ки) «того, кто совершает изнасилование, кастрируют и затем его тело разрубают по пояснице на две части» (Бюллетень..., 2002. С. 20). Казнь применялась в торко-монгольской среде вплоть до Позднего Средневековья. При этом расчленение тел преступников со временем стало производиться не только рассечением, но и разрыванием между двух деревьев. Расширился и круг людей, подвергаемых подобному наказанию. Наряду с нарушителями сексуальных запретов в него попали обычные воры («кто украдет коня или что-либо другое, — тому за это смерть; мечом разрубают его...») (Ковалевский, 1956. С. 126, 138; Книга..., 1956. С. 91). Надо отметить, что в хуннскую державу входили различные прото-торкские племена (Кляшторный, Султанов, 2004. С. 53–54), у которых, подобно самим хунну, мог существовать этот обычай. Должно быть, именно из культуры хунну он был заимствован населением Тувы.

По всей видимости, в кургане № 28 был захоронен казненный преступник. Нечто подобное произошло и в кургане № 33. Несмотря на то, что оба погребенных могли преступить общественные законы, их казнь явилась жертвоприношением. Как показывают письменные источники и этнографические материалы, такой обычай был распространен в традиционных культурах (Фрэзер, 1983. С. 509, 542, 610; Мосс, 2000. С. 19; Ивик, 2010. С. 72, 124–125, 131, 134, 148–150, 160, 180, 182, 190).

Число аналогий нетипичным погребениям могильника Догээ-Баары 2 очень ограничено. К тому же среди них трудно отыскать покойных, размещенных в идентичных позах. Полной противоположностью этому выступают скелеты жертвенных животных из одновременных памятников. Они представлены значительным числом и имеют устойчивое расположение. Наиболее показательны сопроводительные захоронения лошадей, которые в подавляющем большинстве случаев уложены на живот с подогнутыми ногами (Грязнов, 1950. С. 24; Галанина, 1997. С. 70, 82, 84; Сигитов et al., 2010. С. 99, 102; Самашев, 2011. Рис. 13, 37; Федоров, 2016. С. 290). Безусловно, ситуация с жертвенными животными демонстрирует обряд, окончательно сложившийся, упорядоченный и устойчивый. Ритуал же человеческих жертвоприношений не отличался стабильностью. Очевидно, он проводился относительно редко. Свидетельство Геродота о массовости и регулярности жертвоприношений скифами врагов вызывает сомнения. Как отмечал А. М. Хазанов, «сотни военнопленных, о которых писал Геродот, были на проверку не такими уж многочисленными» (Хазанов, 1975. С. 138)¹⁰. Следует согласиться с С. А. Токаревым, предупреждавшим исследователей, что «не надо преувеличивать степень распространения обычая человеческих жертвоприношений в истории народов» (Токарев, 1999. С. 31). Наиболее часто подобные практики провоцировались исключительным стечением обстоятельств.

Согласно проведенному анализу, в курганах могильника Догээ-Баары 2 находились человеческие жертвоприношения. В одном случае (курган № 27) обряд был проведен по скифской традиции. В двух других (курганы №№ 28 и 33) можно предположить влияние культуры хунну. Принесенные в жертву люди вряд ли занимали самую низкую ступень в социальной иерархии, на что указывает наличие сопроводительного инвентаря. Особенно наглядно это проявляется в погребении с остатками пояса, покрытого лаком, — вещи явно дорогой, поскольку лак и лакированные изделия импортировались из Китая. Вместе с тем одна из жертв, скорее всего, не входила в местную родоплеменную группу из-за принадлежности к враждебному коллективу, а другие были исключены из нее по причине совершения тяжкого преступления.

Появление в конце III–II вв. до н. э. человеческих жертвоприношений на могильном поле Догээ-Баары, очевидно, отражает начало периода нестабильности, а также кардинальных изменений в жизни местного населения. В это время на территорию Тувы начинают проникать представители хуннских племен, завершается скифский этап истории, и закладываются предпосылки для формирования новой кокзальской культуры.

¹⁰ С. С. Бессонова объяснила это противоречие фольклорным мотивом, включенным в сочинение Геродота (Бессонова, 1984. С. 6).

- Алексеев А. Ю.* Гадания у алтарей скифского Ареса // Европейская Сарматия. СПб., 2011.
- Алексеев А. Ю., Мурзин В. Ю., Ралле Р.* Чертомлык (Скифский царский курган IV в. до н. э.). Киев, 1991.
- Алексеев Е. А.* Культ медведя у кетов // Кунсткамера (МАЭ им. Петра Великого): Избранные статьи. СПб., 1995.
- Бабенко А. П.* Об атрибуции уздечных блях в виде лапы животного или кисти руки // Древности: Харьковский историко-археологический ежегодник, 2014–2015. Вып. 13.
- Балонов Ф. Р.* Святилища скифской эпохи в Адыгее (интерпретация курганов на р. Уль) // Скифо-сибирский мир. Искусство и идеология. Новосибирск, 1987.
- Бессонова С. С.* Религиозные представления скифов. Киев, 1983.
- Бессонова С. С.* О культе оружия у скифов // Вооружение скифов и сарматов: Сб. науч. трудов. Киев, 1984.
- Богданова М. П., Пивченко П. Г.* Аномалии органов и систем органов человека: методические рекомендации. Минск, 2014.
- Бюллетень Общества востоковедов – Прил. 1: Лю Маоцай: Сведения о древних тюрках в средневековых китайских источниках. М., 2002.
- Василевич Г. М.* О культе медведя у эвенков // Сборник МАЭ. Л., 1971. Т. 27.
- Гайдученко А. А.* Перекрученный зверь — в поисках истоков сюжета // Этнические взаимодействия на Южном Урале: Сб. науч. трудов. Челябинск, 2009.
- Галанина А. К.* Келермесские курганы. «Царские» погребения раннескифской эпохи // Степные народы Евразии. М., 1997. Т. I.
- Грязнов М. П.* Первый Пазырыкский курган. Л., 1950.
- Даргази М. Н.* Скифские междоусобицы // ВДИ. 2016. № 76/1.
- Дзиговский А. Н., Островерхов А. С.* Культ руки у сарматов // Краткие сообщения Одесского археологического общества. Одесса, 2008.
- Доватур А. П., Каллистов Д. П., Шишова И. А.* Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М., 1982.
- Дюмезиль Ж.* Скифы и нарты. М., 1990.
- Пвик О.* История человеческих жертвоприношений. М., 2010.
- История Китая с древнейших времен до наших дней. М., 1974.
- Кисель В. А.* Новые данные о возможной миграции представителей тагарской культуры в Туву // Современные проблемы археологии России: Сб. науч. трудов. Материалы Всерос. археологического съезда. Новосибирск, 2006. Т. II.
- Кисель В. А.* Дары скифов Дарию Гистаспу (новый взгляд на старую проблему) // Радовский сборник: Научные исследования и проекты МАЭ РАН в 2013 г. СПб., 2014.
- Клишторный С. Г., Султанов Т. П.* Государства и народы Евразийских степей. Древность и средневековье. СПб., 2004.
- Книга Марко Поло. М., 1956.
- Ковалевский А. П.* Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков, 1956.
- Махортых С. В.* Об одном типе уздечных блях V в. до н. э. из Причерноморской Скифии // Археология без границ: коллекции, проблемы, исследования, гипотезы: Тр. Гос. Эрмитажа. СПб., 2015.
- Мелетинский Е. М.* Поэтика мифа. М., 2000.
- Мерфи А. М.* Обзор результатов палеопатологического анализа погребений скифского периода на могильнике Аймырлыг (Тува) // АВ. СПб., 2001. № 1.
- Мосс М.* Социальные функции священного. СПб., 2000.
- Нарты. Осетинский героический эпос в 3-х кн. М., 1989. Кн. 2.
- Николаев Н. Н., Хаврин С. В.* Некоторые итоги исследований 2001–2003 гг. на могильнике Догэ-Баары II // Археологические экспедиции Гос. Эрмитажа за 2003 год: Сб. докл. СПб., 2004.
- Пикалов А. В.* Ближечный культ и обычай отрубания руки у сармат // Тр. IV (XX) Всерос. археологического съезда в Казани. Казань, 2014. Т. II.
- Подосинов А. В.* Ex oriente lux! Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии. М., 1999.
- Пузикова А. П.* Курганные могильники скифского времени Среднего Подонья (Публикация комплексов). М., 2001.
- Савинов Д. Г.* Идея множественности как залог успешного жертвоприношения // Жертвоприношение в архаике: атрибуция, назначение, цель: Сб. науч. трудов семинара «Геория и методология архаики». СПб., 2012.
- Саянко В. Н.* Отражение представлений о пространстве и смерти в погребальной обрядности скифов // Восточноевропейские древности скифской эпохи: Сб. науч. трудов. Воронеж, 2011.
- Самашев З. С.* Некоторые результаты исследований Берельских курганов // Terra Scythica: Мат-лы Междунар. симпозиума. Новосибирск, 2011.
- Сказания о нартах. Осетинский эпос. М., 1978.
- Степанова О. Б.* Северные селькупы: система традиционных взглядов в зеркале одного интервью // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 2 (25).
- Такизов Ф. М.* Мифологические архетипы модели мира в осетинской космологии. Владикавказ, 2014.
- Токарев С. А.* О жертвоприношениях // ЭО. 1999. № 5.
- Федоров В. К.* О человеческих жертвоприношениях у ранних кочевников Южного Урала // Константин Федорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии: Материалы IX Междунар. науч. конф. Оренбург, 2016.
- Федоров В. К., Горшкова В. Е.* Колчан из человеческой кожи в погребении раннего кочевника из Башкирского Зауралья // Уфимский археологический вестник: Сб. науч. статей. Уфа, 2001. Вып. 3.
- Фрэзер Д. Д.* Золотая ветвь: Исследования магии и религии. М., 1983.
- Хазанов А. М.* Социальная история скифов. Основные проблемы развития древних кочевников евразийских степей. М., 1975.
- Чибуров А. А.* Об индоевропейских истоках осетинских Нартовских сказаний // Нартоведение в XXI веке: современные парадигмы и интерпретации: Сб. науч. трудов. Владикавказ, 2012.
- Шарашидзе Ж.* Индоевропейская память Кавказа. Владикавказ, 2004.
- Šügünov K., Parzinger H., Nagler A.* Der skythenzeitliche Fürstentum Arhan 2 in Tuva // Archäologie in Eurasien. Mainz, 2010. Bd. 26.